

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волгин Е.И. Проблема противодействия политическому экстремизму в РФ в начале 1990-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69970 EDN: JVIHNN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69970

Проблема противодействия политическому экстремизму в РФ в начале 1990-х гг.

Волгин Евгений Игоревич

ORCID: 0000-0002-9690-448X

кандидат политических наук

доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский пр-т, 27/4, оф. 415

plytony@yandex.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69970

EDN:

JVIHNN

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2024

Аннотация: Распад СССР ознаменовал крушение прежнего государственного порядка. Бывшие союзные республики столкнулись с такими деструктивными явлениями, которые в условиях былого социалистического уклада казались просто немыслимыми. На политической арене резко активизировались объединения и группировки, участники которых выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основании комплексного использования различных материалов (нормативно-правовых актов и законопроектов, периодической печати, статистических данных, интернет-ресурсов, а также исследовательской литературы) выявить основные проблемы и противоречия государственной политики, направленной на противодействие политическому экстремизму в первые постсоветские годы. Предметом исследования выступает целостный политико-правовой процесс, направленный на разработку и принятие адекватного антиэкстремистского законодательства. Для наиболее полного раскрытия поставленной проблемы были

задействованы проблемно-хронологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Научная новизна исследования заключается в попытке осмыслиения государственно-правовой политики, направленной на борьбу с различными формами политического, национального и религиозного радикализма как целостной и, одновременно, крайне противоречивой стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране. Полученные знания позволят лучше осмыслить те изменения, которые произошли в понимании политического экстремизма на государственно-правовом уровне в последующие годы. Становление антиэкстремистского законодательства в постсоветской России осложнялось противостоянием, в которое были вовлечены все ветви власти. Даже после преодоления «кризиса двоевластия» и принятия новой Конституции российское государство пребывало в состоянии раскола, что затрудняло разработку и принятие закона о борьбе с экстремизмом. В середине 1990-х гг. в общественно-политическом дискурсе возобладало мнение о возросшей угрозе со стороны радикально-националистических (фашистских) формирований при опасном бездействии правоохранительных органов. Эти установки повлияли на президента и парламент, которые выступали главными субъектами законодательной инициативы. Излишняя политизация законотворческого процесса существенно затрудняла выработку адекватных решений. Сложившейся ситуацией пользовались радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противоправную деятельность. Таким образом, проблема противодействия политическому экстремизму не потеряла актуальности во второй половине 1990-х гг. и может служить предметом дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

экстремизм, закон, указ, уголовный кодекс, президент, Государственная Дума, Ельцин, политическая партия, национализм, фашизм

Введение

Распад СССР ознаменовал крушение прежнего государственного порядка. Бывшие союзные республики столкнулись с такими деструктивными явлениями, которые в условиях былого социалистического уклада казались просто немыслимыми. Не стала исключением и Россия, где издержки переходного периода проявлялись гораздо острее, нежели в других странах СНГ. Утрата «исторических» территорий и усиливающееся брожение в национальных республиках, война в Чечне и рост этнической преступности, резкая смена социально-экономического строя, имевшая высокую социальную цену – все эти факторы способствовали формированию политических объединений, участники которых открыто выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам. В отличие от системных партий, делавших ставку на легитимные способы изменения кризисной ситуации, данные организации предпочитали радикальные заявления и действия, которые зачастую характеризовались как экстремистские. Под экстремизмом в данном случае понимается идеология и практика разрешения социально-экономических, политических, национальных, религиозных проблем с помощью насилиственных действий или угрозы их применения, исходящей от общественных объединений или отдельных граждан.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основании комплексного использования различных материалов (нормативно-правовых актов и законопроектов, периодической печати, статистических данных, а также имеющейся исследовательской

литературы) выявить основные проблемы и противоречия государственной антиэкстремистской политики в РФ в первые постсоветские годы. Это необходимо для того, чтобы ответить на вопрос, почему данная деятельность в известный период носила во многом формальный характер. Полученные знания позволяют лучше осознать те изменения, которые произошли в понимании политического экстремизма на государственно-правовом уровне в «нулевые» годы. Для наиболее полного раскрытия поставленной проблемы были задействованы проблемно-хронологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Научная новизна исследования заключается в попытке осмыслиения государственно-правовой политики, направленной на противодействие политическому экстремизму, как некой целостной и, в то же время, крайне противоречивой и дискретной стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране, буквально находящейся «на грани».

Попытки совершенствования уголовного законодательства РСФСР – РФ

в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Несмотря на то, что понятие «экстремизм» до 2002 г. практически отсутствовало в российском законодательстве, некоторые специалисты полагают, что советское уголовное право содержало целый ряд особо опасных государственных преступлений, которые можно отнести к известному виду преступлений. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (Уголовный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом 27 октября 1960 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 59) к разряду таких деяний относил заговор с целью захвата власти (в ст. 64), террористический акт (ст. 66), диверсию (ст. 68), вредительство (ст. 69), антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70), пропаганду войны (ст. 71) и некоторые другие преступления. Однако далеко не все из вышеназванных статей применялись на практике.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. ст. 70 УК получила наименование «Призывы к свержению или изменению советского государственного и общественного строя» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15550.htm, дата обращения: 26.04.2023). Позднее УК был дополнен ст. 70.1 «Призывы к совершению преступлений против государства». Кроме того, появилась ст. 74.1 «Оскорблечение или дискредитация государственных органов и общественных организаций» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» и изложении его в новой редакции» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15877.htm, дата обращения: 26.04.2023). Данные корректировки были вызваны требованием времени. В начале 1989 г. состоялись выборы на Съезд народных депутатов СССР, которые сопровождались активизацией антисоветских сил, и кое-где раздавались призывы «вешать коммунистов» (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. М., 1998. С. 56).

Изменение ст. 6 Конституции СССР в марте 1990 г. заложили правовые основы для формирования многопартийной системы [1, с. 90-106]. Назрела необходимость принятия закона, который регламентировал деятельность политических объединений и, одновременно, устанавливал преграды на пути экстремистских формирований. 9 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях» Закон СССР от 9

октября 1990 г. «Об общественных объединениях» // Контур Норматив [электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1136>, дата обращения: 25.04.2023), запрещавший создание и деятельность организаций, имевших целью или методом действий свержение, насилиственное изменение конституционного строя или нарушение единства территории СССР, союзных и автономных республик, пропаганду войны, насилия и жестокости, разжигание социальной (классовой), а также расовой, национальной и религиозной розни. Запрещалось создание общественных военизованных объединений и вооруженных формирований.

Серьезным недостатком данного закона стала неопределенность правовых санкций в отношении объединений, не зарегистрировавших свой устав (закон устанавливал добровольный порядок регистрации уставов). Вместе с тем, этот закон стал важным этапом на пути становления законодательства об общественно-политических объединениях. Российская Федерация, долгое время не имевшая республиканского закона о политических партиях, руководствовалась этим правовым актом до середины 1995 года. При этом российские парламентарии довольно оперативно приняли Закон о СМИ, который не допускал злоупотребления свободой массовой информации, в том числе, в целях распространения экстремистских идей (Закон РСФСР от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» // Ведомости РФ. 1992. № 7. Ст. 300). Соблюдали ли эти требования «свободная» российская пресса в 1990-е гг. – отдельный вопрос.

Распад СССР не привнес умиротворения в российский политический процесс. Представители исполнительной и законодательной власти не могли прийти к консенсусу относительно дальнейшего реформирования российского государства. В ходе углублявшегося противостояния каждая из сторон старалась максимально обезопасить себя от «экстремистских» выпадов оппонента. Так, Закон РФ от 9 октября 1992 г., «О защите конституционных органов власти» (Закон РФ от 9 октября 1992 г. «О защите конституционных органов власти» // Ведомости РФ. 1992. № 44. Ст. 2470), принятый с подачи Съезда, не допускал распуска легитимных (советских) институтов. Закон вводил новую формулировку ст. 70 УК РФ: «Призывы к насилиственному изменению конституционного строя». Одновременно УК дополнялся ст. 79.1 «Воспрепятствование деятельности конституционных органов власти».

В качестве ответной меры 28 октября 1992 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О мерах по защите конституционного строя РФ» (Указ Президента РФ от 28 октября 1992 г. «О мерах по защите конституционного строя РФ» // Ведомости РФ. 1992. № 44. Ст. 2518). Этот документ предписывал органам исполнительной власти принять строжайшие меры, направленные на пресечение деятельности экстремистских элементов (Президент впервые употреблял термин «экстремизм» на официальном уровне). Однако Конституционный Суд постановил, что упоминание об «экстремизме» в отсутствие официально закрепленного юридического определения этого термина может создать правовую неясность при реализации данного указа. В итоге КС признал понятие «экстремистские элементы» не имеющим юридического значения (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 февраля 1993 г. «По делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 28 октября 1992 г. № 1308 "О мерах по защите конституционного строя РФ"». САПП РФ. 1993. № 9. Ст. 825) [\[2, с. 62-65\]](#).

Своеобразным обобщением норм и правил, принятых в целях воспрепятствования деятельности экстремистских формирований, стали поправки, внесенный в Конституцию РФ 10 декабря 1992 г. (Конституция (Основной Закон) РФ (с изменениями на 10 декабря 1992) // Docs.cntd.ru [электронный ресурс] URL:

<https://docs.cntd.ru/document/901700028>, дата обращения: 27.04.2023). Не допускалось создание и деятельность партий, общественных организаций и движений, имевших целью насильственное изменение конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание незаконных органов власти и вооруженных формирований, разжигание социальной, национальной и религиозной розни, включая пропаганду исключительности и любых форм дискриминации по признакам этнической, национальной, расовой, религиозной принадлежности. Исследователи, сравнивая эти конституционные положения с нормами Закона СССР «Об общественных объединениях», обратили внимание на следующие моменты. Во-первых, стилистически излишней казалась столь подробная диверсификация общественных объединений. Во-вторых, Основной Закон упоминал лишь о противозаконных целях, которые могли ставить перед собой радикалы, но ничего не говорил о методах их непосредственной реализации. Наконец, в Конституции не был зафиксирован запрет на создание военизированных формирований [\[2, с. 25-26\]](#).

Октябрь 1993 г.: экстремизм власти или экстремизм оппозиции?

Октябрьские события 1993 г. стали результатом безответственных действий президента и парламента, когда каждый участник конфликта, претендуя на истинность и непогрешимость своих поступков, отстаивал собственное (при этом – весьма субъективное) видение будущего России. Депутаты, контролируя законодательный процесс, раз за разом вносили в «мягкую» Конституцию выгодные для себя поправки, зачастую пренебрегая регламентом. Президент, «стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу» (Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в РФ» // Ельцин Центр [электронный ресурс]: <https://yeltsin.ru/archive/act/41068>, дата обращения: 30.04.2023), ликвидировал сам конституционный строй.

Заслуживает внимания тактика президента, которому для обеспечения государственной и общественной безопасности вновь (как и в августе 1991) пришлось прибегнуть к ограничению деятельности отдельных политических объединений. 4 октября 1993 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» (Указ президента РФ от 4 октября 1993 г. «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» // САПП РФ. 1993. № 40. Ст. 375), в соответствии с которым Минюсту по представлению коменданта района чрезвычайного положения поручалось приостановить деятельность общественных объединений, принимавших участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях, а также решить вопрос о ликвидации указанных организаций в установленном законом порядке. В тот же день генерал-лейтенант милиции А. Куликов, назначенный комендантом района чрезвычайного положения по г. Москве, приостановил деятельность шестнадцати организаций. Однако ввиду того, что милиционные органы слабо разбирались в тонкостях российского партогенеза, в названиях отдельных институций присутствовали ошибки [\[3\]](#).

4 октября 1993 г. Министерство юстиции выпустило распоряжение, в соответствии с которым приостанавливалась деятельность восьми общественно-политических объединений. Управлению по делам общественных и религиозных объединений Минюста предписывалось рассмотреть вопрос о возможности ликвидации этих организаций в установленном порядке. (Распоряжение Министерства юстиции РФ от 4 октября 1993 г. «О приостановлении деятельности некоторых общественных объединений в соответствии с Указом Президента РФ от 4 октября 1993 г. "О безотлагательных мерах по

обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» // Российская газета. 1993. 6 октября).

Исследователи отмечают, что перечень Минюста выглядел более корректно (как по названиям партий и движений, так и по сути), нежели список А. Куликова. При этом никаких попыток ликвидации данных структур в судебной порядке в дальнейшем не предпринималось, а временный запрет их деятельности истек с окончанием периода действия режима ЧП (18 октября) [\[3\]](#).

Однако 19 октября 1993 г. Президент издал указ (Указ Президента РФ от 19 октября 1993 г. «О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 г.» // САПП РФ. 1993. № 43. Ст. 4080), в соответствии с которым лишил шесть объединений, упомянутых в распоряжении Минюста, права участвовать в выборах в Думу. Не подлежали регистрации избирательные объединения (блоки), включившие в свой состав упомянутые в указе формирования. Не могли быть зарегистрированы в качестве кандидатов в депутаты лица, которым были предъявлены обвинения в связи с «вооруженным мятежом» 3 – 4 октября 1993 г. Специалисты отмечали неправовой характер действий Президента, не вытекавших из Закона РФ «О чрезвычайном положении» [\[2, с. 36\]](#). Со своей стороны, отметим, что Ельцин в октябре 1993 г. (как и в августе 1991) опирался на право победителя, позволявшее ему игнорировать действующее законодательство.

Проблема противодействия национализму в уголовном законодательстве РСФСР

Специфической формой экстремизма является национализм и ксенофобия. Эта проблема была особенно актуальной в России, где большинство радикальных организаций исповедовало воинствующий национализм. Не вдаваясь в историю эволюции уголовно-правовых норм, которые полагались за данное преступление в послереволюционный, межвоенный и послевоенный период, отметим, что в 1960 г. вступил в силу новый УК РСФСР, где содержалась ст. 74 («Нарушение национального и расового равноправия»), предусматривавшая наказание как за пропаганду и агитацию, которая велась с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни, так и за прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности. Несомненным плюсом данной диспозиции стало отсутствие в ее формулировке упоминания об умышленности подобных действий, которое имело место в Законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 8. Тем не менее, в советские годы ст. 74 относилась к бездействующим. Пропаганда декларировала «окончательное решение» национального вопроса в СССР, а поэтому власти всячески пытались скрыть наличие националистических мотивов в насильственной преступности [\[4, с. 74-75\]](#).

Межэтнические конфликты, вспыхнувшие в годы «перестройки» на территории союзных республик, требовали ужесточение ответственности за преступления, совершенные на почве национальной вражды и ненависти. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. в ст. 74 были внесены изменения, которые носили амбивалентный характер

(Указ Президиума ВС РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL:

https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15550.htm, дата обращения: 29.04.2023). Во-первых, была установлена уголовная ответственность именно за умышленные действия, «направленные на унижение национальной чести и достоинства». Во-вторых, вводились квалифицирующие (отягчающие) признаки данного преступления, что позволяло сделать вывод о том, что законодатель усилил ответственность за рассматриваемые деяния. Однако, по мнению правоведов, ответственность за основной состав преступления, предусмотренного ст. 74, была скорректирована как раз-таки в сторону смягчения [\[5, с. 654\]](#) [\[6, с. 31\]](#).

Тем не менее, даже в последние годы существования СССР, когда некоторые союзные республики захлестнула волна этнического насилия, число приговоров по этой статье оставалось незначительным. Так, за почти тридцать лет (с 1962 по первую половину 1991) общесоюзная судебная практика насчитывала всего 109 случаев осуждения по статье о нарушении национального равноправия. Из них 50 случаев (45 %) приходились на период с 1987 по первую половину 1991 г. В России за все это время по ст. 74 было вынесено лишь 9 приговоров и лишь один из них пришелся на годы «перестройки» [\[7, с. 139-140\]](#).

Актуализация законодательства о противодействии радикальному национализму и правоприменительная практика (1993 – 1995)

Заметные корректировки, направленные на противодействие национализму, были внесены в уголовное законодательство Верховным Советом незадолго до его распуска. 27 августа 1993 г. ст. 74 получила название «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии» (Закон РФ от 27 августа 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях // Ведомости РФ. 1993. № 37. Ст. 1466). Уголовному наказанию подвергались умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности. Таким образом, был расширен объективный состав преступления в виде «пропаганды исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности». Исследователи подчеркивали важность данной диспозиции, т.к. любая шовинистическая пропаганда отстаивает превосходство «своих» за счет ущербности «чужих» [\[2, с. 28\]](#) [\[5, с. 654\]](#).

Тем не менее, в первые постсоветские годы уголовные дела, возбужденные по ст. 74, продолжали буксовать. Если раньше данная норма не применялась по идеологическим соображениям, то теперь она не работала из-за неудачной формулировки. Во-первых, уголовно-наказуемыми действиями признавались лишь умышленные действия, совершаемые с целью возбуждения национальной вражды или розни. Такая диспозиция стала серьезным камнем преткновения в ходе судебных разбирательств, т.к. обвиняемые «нагло» отрицали злой умысел, а потому и защита, построенная на этом тезисе, представлялась довольно сильной. Во-вторых, объективная сторона преступления не содержала даже примерного перечня уголовно наказуемых действий, «направленных на возбуждение вражды или розни». В отсутствие четких критериев состав преступления выглядел крайне размытым, что позволяло правоохранителям применять избирательный подход, привлекая к ответственности как за открытые призывы к насилию на почве

национальной вражды и ненависти, так и за «бытовой национализм». По словам следователя Тимирязевской межрайонной прокуратуры г. Москвы О. Шмуневского: «Вся штука в том, что убийства..., расследовать легче... А над “семьдесят четвертой” голову можно сломать. Прокуроры не спешат направлять такие дела в суд, где все кончается... оправдательным приговором» // (Выжутович В. Оправдание негодяев // Известия. 1994. 2 августа; Челноков А. «Добрые, милые люди в галстуках» // Известия. 1995. 15 марта) [8, с. 41; 4, с. 76-78, 81-82] [9, с. 344].

Действительно, середины 1991 до середины 1993 г. (т.е. почти за два года) не было ни одного случая осуждения по ст. 74. По состоянию на февраль 1993 г. органы прокуратуры возбудили по России 18 уголовных дел по признакам, предусмотренным ст. 74, однако ни одно из них не дошло до суда. В 1994 г. по данной статье было заведено 15 уголовных дел, но не было ни одного осужденного. В 1995 г. в суд было направлено 15 дел данной категории и только по двум удалось добиться обвинительных приговоров (при этом оба фигуранта были амнистированы в связи с 50-летием Великой Победы) (Материалы парламентских слушаний «О предупреждении проявлений фашистской опасности в РФ». М., 1995. С. 81), [7, с. 139] [10].

В правоохранительных органах такие дела называли «тухлыми» и даже «антипатриотичными» (Худокормов А. Будет ли Россия фашистским государством? // Известия. 1994. 18 августа). Принимая во внимание данное обстоятельство, адвокаты порой сами настаивали на том, чтобы их подзащитным вменяли именно эту, пусть серьезную, но совершенно «неработающую» статью. Видя явный диссонанс между реальностью, которую буквально заполонили радикальные издания и партии, и отсутствием должной реакции со стороны правоохранительных органов, некоторые публицисты и правозащитники утверждали, будто российские силовики намеренно «попустительствуют фашистам» (Прошечкин Е. Фашистам пока спокойно// Московские новости. 1994. 5-12 мая; Челноков А. Нацисты убивали людей // Известия. 1994. 9 сентября).

Представители Прокуратуры (равно как МВД и ФСК – ФСБ), в свою очередь, ссылались на несовершенство законодательства, которое не давало возможности применять эффективные меры против фашистующих элементов. Зачастую правоохранители просто перекладывали ответственность друг на друга (Орлюк С. Не дело прокурора искать виноватых на баррикадах гражданской войны // Новая ежедневная газета. 1994. 15 января; Выжутович В. Оправдание негодяев // Известия. 1994. 2 августа) [11, с. 36]. С другой стороны, исследователи указывают на отсутствие каких-либо данных, подтверждающих намеренное попустительство (и, тем более, – сознательное) экстремизму со стороны правоохранительных органов [3]. Говоря о «бездействии» силовых структур в отношении открытых нацистов, следует помнить, в каком тяжелом положении находилась правоохранительная система РФ в 1990-е гг. Постоянное недофинансирование, отток квалифицированных кадров, убогая материально-техническая база и, главное, волна преступности, захлестнувшая страну в этот период – все эти факторы не позволяли правоохранителям вплотную заняться экстремистами, «символические» проступки которых на фоне бушевавшей в России «великой криминальной революции» казались не столь существенными. Сложившуюся ситуацию весьма точно подметил столичный прокурор Г. Понамарев: «В городе ежедневно совершаются десятки убийств, а мы занимаемся баркашовцами» (Орлюк С. Не дело прокурора искать виноватых на баррикадах гражданской войны // Новая ежедневная газета. 1994. 15 января).

С другой стороны, те же баркашовцы и другие националисты подвергались уголовному

преследованию, когда совершали тяжкие уголовные преступления (убийства, грабежи и т.д.). Однако следствие, чтобы не отягощать «понятные» уголовные дела «политикой», зачастую отказывалось принимать во внимание нацистские убеждения этно-радикалов как непосредственный мотив их преступлений. Да и руководство партийных структур, даже самых одиозных, отнюдь не приветствовало противоправные действия своих членов. Всякий раз, когда те же баркашовцы оказывались фигурантами резонансных уголовных дел, «соратники» оперативно от них откращивались (Соломенко Е. От политики – к уголовщине // Известия. 1994. 18 марта; Челноков А. «Добрые, милые люди в галстуках» // Известия. 1995. 15 марта; Архипов И. Шел в депутаты, попал в арестанты // Общая еженедельная газета. 1994. 4-16 марта) [\[12, с. 8-9, 11-12, 14, 17, 74\]](#) [3].

Президентская власть как фактор противодействия фашистской опасности

В условиях недостаточно эффективной работы правоохранительных органов консолидирующую силой в борьбе с политическим экстремизмом могла стать президентская власть, многократно усиленная в ходе конституционной реформы. «Президентская» Конституция запрещала создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых были направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ, подрыв государственной безопасности, создание вооруженных формирований, а также разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (Конституция РФ 1993 года // Сайт «Конституция России. Все редакции» [электронный ресурс] // URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/>, дата обращения: 1.05.2023).

Одновременно приближалось 50-летие Великой Победы. В этой связи открытая продажа нацистской литературы рядом с Красной площадью, а также наличие «чернорубашечников», свободно разгуливающих по центру Москвы, могли внести явный диссонанс в торжественные мероприятия. Было необходимо принять пусть временные, но хоть какие-то меры. 23 марта 1995 г. Президент подписал Указ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» (Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» // СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 112). Этот нормативный акт вводил в оборот два широко известных, но при этом относительно новых для отечественного законодательства понятия: «фашизм» и «экстремизм». Что касается последнего, то это была вторая (с 1992) попытка Ельцина утвердить данный термин в правовой практике. Несмотря на то, что теперь никто не пытался оспорить конституционность указа в судебной порядке, закрепление на государственно-правовом уровне столь неоднозначных терминов без попытки их раскрытия едва ли могло помочь правоохранителям в борьбе с фашизмом и экстремизмом. «Чем руководствоваться – словарем Даля?», – недоумевал замгенпрокурора А. Розанов (Ямшанов Б. Куда же смотрит прокуратура? // Российская газета. 1999. 2 февраля).

Указ вызвал лишь краткосрочный отклик правоохранительных органов и спецслужб. Фактически, все свелось к «антифашистской» кампании, приуроченной к празднованию годовщины Победы. Причиной тому, помимо традиционной бюрократической инертности, загруженности следственных органов «реальными» уголовными делами и отсутствия согласованности в действиях главных борцов с фашизмом, стало то, что вскоре после обнародования указа сменились руководители главных силовых ведомств: МВД, ФСБ и Генпрокуратуры. Да и в либеральной печати к инициативе Президента отнеслись

настороженно. Иные заподозрили Ельцина в неуклюжей попытке отвлечь внимание общественности от войны в Чечне (Тимофеева Л. Пугало, я тебя знаю? // Независимая газета. 1995. 1 марта) [9, с. 341] [13].

Еще одним препятствием, не позволившим президентской власти продвинуть свои законодательные инициативы, стали напряженные отношения Б.Н. Ельцина с новой Думой. 7 июня 1995 г. Президент внес в нижнюю палату законопроект, в котором предполагалось дополнить действующий УК новыми составами преступлений, в том числе: пропаганда фашизма и организация фашистских объединений. Президентский законопроект был направлен председателю Госдумы И. Рыбкину с просьбой рассмотреть его в первоочередном порядке. Однако данные инициативы «застяли» в Комитете по законодательству и нижней палатой не рассматривались (Амелина А. Как Госдума с фашизмом боролась // Российское агентство правовой и судебной информации [электронный ресурс] URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20160616/276307343.html, дата обращения: 2.05.2023).

I Дума и проблема принятия антиэкстремистского законодательства

После избрания нового парламента работа над законом о запрещении экстремистских организаций должна была переместиться в Государственную Думу. Действительно, в I Думе часто говорили о росте политического экстремизма и угрозе распространения фашизма. Однако данная риторика использовалась различными политиками в основном против своих оппонентов. Так, либералы называли «фашистами» коммунистов и жириновцев, а те, в свою очередь, обвиняли в фашизме «гайдаровцев». Что касается конкретных законодательных инициатив, то депутаты I Думы были крайне осторожны в известном вопросе, ибо понимали, что любой антиэкстремистский акт мог быть обращен против партийно-политической оппозиции, т.е. них самих. Поэтому парламентарии предпочитали вносить точечные изменения в действующее законодательство, реагируя на нестабильную внутриполитическую ситуацию (например, корректировка статей УК, предусматривавших ответственность за терроризм или за участие в незаконных вооруженных формированиях) (Федеральный закон от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР» // Контур Норматив [электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5137>, дата обращения: 3.05.2023; Федеральный закон от 28 апреля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1595) [2, с. 39].

Что касается борьбы с политическим экстремизмом, то в этом вопросе I Дума, на треть состоявшая из коммунистов, аграриев и жириновцев, не проявляла особой активности. Новый Закон «Об общественных объединениях» (Федеральный закон от 19 мая 1995 «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930), разработанный Комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций, в части положений, запрещавших создание и деятельность экстремистских организаций, полностью воспроизвил соответствующую статью Конституции. Единственное, здесь лучше, чем в аналогичном союзном акте, была зафиксирована ответственность незарегистрированных общественных объединений (это было важно, т.к. большинство радикальных группировок действовало без регистрации).

Кроме того, согласно новому закону, название и символика общественного объединения не должны были оскорблять нравственность, а также национальные и религиозные чувства граждан. По мнению специалистов, эти ограничения звучали неконкретно и едва ли могли быть последовательно применены в судах. Несколько прояснял ситуацию

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне», который запрещал использование нацистской символики «в любой форме». Однако данный акт не предусматривал юридической ответственности за использование подобной атрибутики (*Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928*).

Гораздо продуктивнее и последовательнее казались депутаты Московской городской думы, которые 24 мая 1995 г. единогласно одобрили в качестве законодательной инициативы проект закона «О запрещении деятельности экстремистских общественных объединений в России». Автором разработчиком выступил депутат МГД, председатель Московского антифашистского центра Е. Прошечкин (*Ениколов С. Политический дальтонизм // Московские новости. 1995. 4–11 июня*).

5 июля 1995 г. этот документ, а также проекты законов «О запрещении пропаганды фашизма в РФ» (В. Зоркальцев, КПРФ) и «Об ответственности за распространение фашистской идеологии, политическую практику и организационную деятельность фашистских организаций» (В. Журавлев, ЛДПР) были вынесены на пленарное заседание Государственной Думы (*Государственная Дума. Стенографический отчет от 5 июля 1995 г. // Государственная Дума Федерального Собрания РФ [электронный ресурс] URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3036/>, дата обращения: 15.05.2023*).

Не вдаваясь в детали вышеназванных законопроектов, отметим, что каждый из них имел свои недостатки. Так, вариант В. Зоркальцева не предусматривал уголовной ответственности за пропаганду фашизма, которая наказывалась лишь штрафом или административным арестом (*Материалы парламентских слушаний «О предупреждении проявлений фашистской опасности в РФ». С. 87-89) [2, с. 98-101]*). Законопроект В. Журавлева, напротив, предполагал уголовное наказание, но – за необоснованные обвинения какой-либо организации или гражданина в фашизме (очевидно, член фракции ЛДПР пытался тем самым отбить охоту у некоторых «демократов» называть своего «партайгеноссе» фашистом). Закон Е. Прошечкина ввиду перспективы расширительного толкования отдельных его статей мог быть использован для уголовного преследования отнюдь не только радикалов, но также представителей левой оппозиции.

В итоге все три варианта были отвергнуты. I Дума вплоть до конца своей работы больше к этому вопросу не возвращалась. Тем не менее, противоречивые результаты парламентских выборов 1995 г., когда, несмотря на тотальное поражение всех радикальных партий (за исключением ЛДПР) и их выдвиженцев в одномандатных округах, около 16 % (или 11,6 млн избирателей) высказалось в поддержку объединений и кандидатов, открыто заявлявших свою «непримиримую» позицию по ряду ключевых вопросов внутренней (национальной) и внешней политики (*Поливанов С. Фашизм не прошел // Московские новости. 1996. 3–10 марта*), (*Политика // [электронный ресурс] URL: <http://www.politika.su/fs/gd2rezv.html>, дата обращения: 24.05.2023*), диктовали необходимость продолжить работу над антиэкстремистским законодательством.

Заключение

Итак, проблема противодействия политическому экстремизму приобрела чрезвычайную актуальность в «позднем» СССР и постсоветской России. В период распада союзного государства обострились различные деструктивные (национал-сепаратистские) силы, которым уже не могла противостоять децентрализованная правоохранительная система СССР, лишенная (после запрещения КПСС) единого партийно-политического

руководства. С другой стороны, именно в этот период происходит известная деидеологизация статей уголовного законодательства. В этом отношении советское уголовное право сделало большой шаг вперед, свидетельствовавший о реальной демократизации прежней государственно-правовой (по сути – авторитарной) модели.

Распад СССР не привнес умиротворения в российский политический процесс. Напротив, после падения коммунизма Россия вступила в период нестабильности, вызванной глубоким социально-экономическим и конституционно-политическим кризисом. При этом, несмотря на широкое употребление термина «экстремизм» в политическом лексиконе, он так и не нашел соответствующего правового закрепления в те годы. Это делало борьбу с проявлениями политической, национальной или религиозной нетерпимости как специфическими видами преступлений несколько затруднительной. Хотя российский законодатель в период «августовской республики» подверг соответствующие статьи УК известной актуализации, которые, однако, не всегда казались удачными.

В ходе противостояния исполнительной (президентской) и законодательной ветвей каждая из сторон считала себя «властью истинной» (т.е. наиболее легитимной), а потому пыталась объявить действия оппонента и его союзников незаконными, т.е. экстремистскими. Президент, вышедший победителем из этой схватки, мог не только стигматизировать «красно-коричневую» оппозицию, но также получил возможность устанавливать конституционно-правовые ограничения общественной (в т.ч. партийно-политической) деятельности. Надо сказать, что «президентская» Конституция 1993 г. в сочетании с новым Федеральным законом «Об общественных объединениях» 1995 г. содержали исчерпывающий перечень недопустимого политического, национального или религиозного активизма. В этой связи можно предположить, что особой надобности в дополнительном принятии какого-то специального «антиэкстремистского» («антифашистского») закона не было.

Тем не менее, несмотря на правовые ограничения, в стране беспрепятственно действовали десятки радикальных (профашистских) объединений, а также издавалась и открыто распространялась нацистская литература. Правоохранительные органы, отвечая на упреки в бездействии, исходившие по большей части от представителей либеральной общественности, ссылались на отсутствие в российском законодательстве таких понятий, как «экстремизм» и «фашизм». Однако, на наш взгляд, подобные ответы являлись не более, чем отговорками, тогда как корни проблемы лежали намного глубже.

Во-первых, сыграло свою роль кризисное состояние российской правоохранительной системы, основные институты которой (Генпрокуратура, МВД, Минюст, ФСК – ФСБ) находились в состоянии постоянного реформирования и частой смены руководства. В условиях, когда у «органов» не хватало средств и ресурсов для борьбы с захлестнувшей страну «великой криминальной революцией», молодчики со свастиками (но при этом не нарушавшие общественный порядок), а также торговцы «Майн кампф» и прочей нацистской атрибутикой, пусть даже недалеко от Кремля, хотя и портили столичный «ландшафт», тем не менее, не представляли, по мнению правоохранителей, реальной опасности.

Во-вторых, за уголовными обвинениями в разжигании той же национальной розни как правило стояли различные политические группировки и их лидеры. Эти резонансные дела привлекали внимание СМИ. В этой связи следователям и прокурорам, привыкшим иметь дело с «обычной уголовщиной», меньше всего хотелось участвовать в «политике», рискуя при этом быть обвиненными в ограничении конституционных прав граждан. Поэтому правоохранители старались передать подобные резонансные дела на откуп

различного рода экспертизам, в результате чего те успешно разваливались. В-третьих, можно осторожно предположить, что на фоне разгула этнической преступности и войны в Чечне, многие правоохранители исподволь вполне могли поддерживать отдельные лозунги, ретранслируемые националистическими партиями (не зря те же баркашовцы очень любили рассказывать о своих связях в силовых структурах).

Наконец, само законодательство об общественных объединениях, которое устанавливало ограничения деятельности радикальных формирований, соблюдалось в России 1990-х крайне неудовлетворительно (впрочем, как и многие другие законы). Министерство юстиции, призванное контролировать деятельность различных партий и движений на предмет соответствия их деятельности уставным положениям, оставалось в начале 1990-х гг. наиболее слабым звеном в системе исполнительной власти. Функции Минюста в основном сводились лишь к регистрации общественных объединений. Если учесть, что многие радикалы действовали без регистрации или же были зарегистрированы на региональном уровне, то они и вовсе выпадали из поля зрения федерального ведомства, региональные управления которого, учитывая известную децентрализацию РФ в те годы, практически не подчинялись «головному офису».

Вышеназванные факторы создавали в общественном мнении запрос на разработку дополнительного «антиэкстремистского» законодательства. Со своими предложениями выступили Президент и депутаты I Думы. Однако законотворческая деятельность неминуемо превращалась в заложницу политической борьбы, которая велась как между исполнительной и законодательной властью, так и между парламентскими фракциями. Ибо невозможно было представить, чтобы Президент, с одной стороны, а также коммунисты, жириновцы и либералы – с другой, смогли в те годы прийти к консенсусу по таким крайне дискуссионным понятиям, как «политический экстремизм» или «фашизм». Все это чрезвычайно запутывало законодательный процесс, фактически заведя его в середине 1990-х гг. в тупик. Сложившейся ситуацией пользовались различного рода радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противозаконную деятельность.

Библиография

1. Волгин Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 8: История. № 5. С. 90-106.
2. Верховский А. Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям. 1991–2002 гг. М.: Центр «Сова», 2013.
3. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М: Панорама, 1996. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/pano-red-book-1996.pdf>
4. Шмидт Ю.М. Предложения по совершенствованию законодательства об ответственности за разжигание национальной розни // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М: «Мемориал», 1993. С. 74-86.
5. Бешукова З.М. Развитие законодательства об ответственности за экстремизм и терроризм в период действия уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Право и политика. 2016. № 5. С. 649-657.
6. Волженкин Б.Д. Из истории становления ст. 74 // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М: «Мемориал», 1993. С. 31-33.
7. Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993.
8. Барихновская Е. Обзор правоприменительной практики Санкт-Петербурга по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 74 УК России // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993.
9. Шмидт Ю. Недействующие законы // Нужен ли Гитлер России? По материалам

- Международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идейные основы, социальная база, политическая активность». СПб: ПИК, 1995. С. 340-349.
10. Дейч М. Коричневые: Об угрозе национал-социализма и беспечности власти. М: Терра – Книжный клуб, 2003. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/101571-mark-deych-korichnevye.html>
11. Винниченко Н.Н. Профилактика межнациональных конфликтов с помощью мер уголовного принуждения // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993. С. 34-36.
12. Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002.
13. Янов А.Л. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: Московская городская типография А.С. Пушкина, 1995. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/yanow.txt_with-big-pictures.html

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха Перестройки привела к кардинальным переменам в жизни советского общества: именно в конце 1980-х гг. на фоне ослабления власти центра и нарастающего экономического кризиса усилилась общественно-политическая активность масс, то что один из иностранных наблюдателей метко охарактеризовал следующими словами: "Все пришло в движение". Вместе с тем в условиях турбулентности произошло резкое возрастание деятельности экстремистских сил, что нашло отражение в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии, а также в рамках расширения масштабов деятельности экстремистских групп. Одним словом проблема противодействию экстремизму стала одной из важнейших задач государства в начале 1990-х гг.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является противодействие политическому экстремизму в России в начале 1990-х гг. Автор ставит своими задачами "выявить основные проблемы и противоречия государственной антиэкстремистской политики в РФ в первые постсоветские годы", а также "ответить на вопрос, почему данная деятельность в известный период носила во многом формальный характер".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать "государственно-правовую политику, направленную на противодействие политическому экстремизму, как некой целостной и, в то же время, крайне противоречивой и дискретной стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего нормативно-правовыми актами, а также материалами периодической печати. Из используемых автором исследований укажем на труды Е.И. Волгина и Ю.М. Шмидта, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения политico-правовой системы России в первой половине 1990-х гг. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения

текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политической историей России, в целом, так и становлением ее политico-правовой системы, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в начале 1990-х гг. "брожение в национальных республиках, война в Чечне и рост этнической преступности, резкая смена социально-экономического строя, имевшая высокую социальную цену – все эти факторы способствовали формированию политических объединений, участники которых открыто выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам". Автор обращает внимание на то, что "несмотря на широкое употребление термина «экстремизм» в политическом лексиконе, он так и не нашел соответствующего правового закрепления в те годы". В работе показано, что "законотворческая деятельность неминуемо превращалась в заложницу политической борьбы, которая велась как между исполнительной и законодательной властью, так и между парламентскими фракциями". Автор справедливо показывает и то, что "многие радикалы действовали без регистрации или же были зарегистрированы на региональном уровне, то они и вовсе выпадали из поля зрения федерального ведомства, региональные управления которого, учитывая известную децентрализацию РФ в те годы, практически не подчинялись «головному офису».

Главным выводом статьи является то, что сложившейся в тот период "ситуацией пользовались различного рода радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противозаконную деятельность".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, автор не включил в библиографию нормативно-правовые акты и материалы периодической печати.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".